

Летнее солнце всегда поднимается особенно рано: оно мягко пробивалось сквозь убогое оконце, усеянное заусенцами, и рассыпалось светом по глазам Е Нина.

Крики петухов, яростный лай сторожевых собак, стрёкот насекомых и щебет птиц смешивались в единый шум. Е Нин неторопливо открыл глаза и некоторое время молча смотрел на полог кровати, зашитый и перештопанный бесчисленное количество раз. Его не покидало ощущение нереальности - неужели он и впрямь выбрался из мира апокалипсиса, где вечно не хватало еды и всё было пропитано разрухой, и попал в этот похожий на рай уголок?

— Ой-ой, — проходя мимо его двери, заглянул внутрь Е Чжу. — Всё ещё не встал? Что такое, решил отлежаться и не идти в лапшичную? Понял, значит, что там тяжело, и решил по-хорошему, по-тихому быть гером? Я тебе так скажу: раз уж мы геры, надо и вести себя соответственно. Какая лапшичная, какие тяжёлые работы - это не для нас. Наше дело дома сидеть, стельки для обуви подшивать да одежду латать...

Бах!

Не дав ему договорить, Е Нин захлопнул дверь, одним движением отрезав его визгливый голос. Дверная доска плохо держала звук, и снаружи ещё донеслось сердитое фырканье и плевок, после чего Е Чжу неохотно ушёл.

Е Нин лениво потянулся, посмотрел на солнечный свет за окном. Это было яркое утреннее солнце, то самое, которого он так давно не видел в мире апокалипсиса; небо - вымытое, глубокое, без края, и если слегка вдохнуть, в воздухе чувствовались аромат цветов и свежей травы.

— Как же хорошо, — тихо сказал он.

Е Нин поднялся, быстро умылся, привёл себя в порядок и вышел во двор.

— Е Нин, — Чжан Чжиюань уже был на ногах. С самого утра он стоял во дворе с книгой в руках, повторяя выученное. Увидев Е Нина, он сразу подошёл ближе. — Сегодня тоже пойдём в лапшичную?

Е Нин кивнул, и они вдвоём вышли со двора. Е Чжу, прислонившись к изгороди и подбрасывая курам корм, презрительно фыркнул и пробормотал себе под нос:

— И Чжоу-далан вокруг Нин-гера вертелся, и кузен теперь вокруг него крутится. Что в этом Нин-гере такого? Подумаешь, личиком чуть получше вышел!

Для лапшичной требовалось кое-что из самого необходимого: хотя бы рис и мука, овощи да зелень, без этого не обойтись. Позже, когда появятся деньги, можно будет докупить столы и скамьи, доведя их количество до трёх комплектов. Сейчас же средств в обрез, да и сама лавка

маленькая, так что пока одной пары столов и скамеек должно хватить.

С самого утра Е Нин не стал спешить в лапшичную, а направился на рынок: сегодня у деревенских ворот как раз проходила утренняя ярмарка.

Жители Цинтяня в обычные дни жили натуральным хозяйством. Если и требовалось что-то прикупить, то ехать в город или тем более в уезд было слишком далеко и неудобно, дороги из деревни вели скверные. Потому раз в месяц у самых ворот Цинтяня устраивали рынок. Сюда стекались и жители соседних деревень, чтобы закупить всё нужное на месяц вперёд или приобрести редкие, непривычные для села вещи. В такие дни у деревенского въезда бывало особеннолюдно и шумно.

Увидев, что Е Нин собирается на утренний рынок, Чжан Чжиюань замялся. Он несколько раз открывал и закрывал рот, явно колеблясь, не зная, как начать разговор.

— Ты хотел что-то сказать, кузен? — спросил Е Нин. — Говори прямо.

Пусть внешне Е Нин и выглядел мягким и спокойным, но по характеру он вовсе не был тем, кто мямлит и ходит вокруг да около.

Чжан Чжиюань осторожно подбирал слова, опасаясь задеть его самолюбие:

— Ты... ты ведь только что разорвал помолвку с семьёй Чжоу. На ярмарке сегодня будет много народу, все свои, деревенские, а такие больше всего любят судачить. Да ещё и тётушки из соседних деревень... кто знает, что они там наговорят. Если тебе нужно что-то купить, может, ты составишь список, а я схожу за тебя?

Е Нин тут же понял: Чжан Чжиюань боялся, что на людном рынке, где все любят собираться в кучки и перемывать кости, его могут ранить сплетнями и пересудами - его, якобы «хрупкого» и чувствительного.

Е Нин покачал головой и сказал:

— Пусть брат не беспокоится. Людям от природы даны рты, чтобы говорить, и уши, чтобы слышать. Что другие болтают, то их дело, мне до этого нет нужды. К тому же, если я собираюсь открывать лапшичную, всё равно придётся иметь дело с односельчанами, этого не избежать.

Чжан Чжиюань растерянно уставился на него, затем сложил руки в почтительном жесте и искренне произнёс:

— Такая широта души и спокойствие... право слово, мне впору устыдиться.

Не успел он договорить, как до них донёлся шёпот. Несколько проходивших мимо сельчан, тоже направлявшихся на ранний рынок, исподтишка указывали на Е Нина:

— Это он, тот самый Нин-гер. Говорят, семья Чжоу от него отказалась.

— А ведь хорош собой, до чего же пригожий...

— Пригожий-то пригожий, да что толку - брошенный. Кого теперь в деревне найдётся смельчак взять того, от кого Чжоу отказались?

Е Нин не обращал на это ни малейшего внимания и спокойно шёл дальше, к рынку. Те люди говорили вроде бы вполголоса, но достаточно громко, явно рассчитывали привлечь его внимание. Однако Е Нин даже взглядом их не удостоил, отчего им стало неловко и пусто на душе, и вся охота злословить как-то сама собой пропала.

Собираясь открыть лапшичную, Е Нин нащупал в рукаве пригоршню медных монет. Прежний хозяин тела кое-что скопил, но денег всё равно было немного. Если покупать мясо... Е Нин остановился перед мясной лавкой и ненадолго задумался. Мясо всё-таки стоило дорого: если сейчас решиться на такую покупку, денег в руках станет ещё меньше, а случись что непредвиденное, и вовсе не на что будет рассчитывать.

В конце концов он отказался от этой мысли и перевёл взгляд на прилавок с мелкой рыбой и речными креветками. Без мяса бульон, конечно, выйдет не таким наваристым, но Цинтянь стоит у реки, мелкой рыбы и креветок здесь в избытке. Значит, можно сварить бульон из речной живности, вытянув вкус, и выйдет ничуть не хуже.

— Почём у вас эти мелкие креветки да рыбёшка? — спросил Е Нин.

Торговцем оказался разряженный, манерный фулан. Он искоса глянул на Е Нина, поднял указательный и средний пальцы, показав «два», - два вэня.

Место было глухое, деревенское, цены и без того невысокие, а к тому же рядом река - мелкая рыба и креветки здесь водились в изобилии и почти ничего не стоили, потому и продавались дёшево.

Е Нин прикинул в уме расходы, решил, что цена вполне подходящая, и кивнул:

— Беру всю корзину.

Он действовал решительно, протянул деньги. Фулан снова смерил его косым взглядом, лениво потянулся за монетами и пробормотал себе под нос:

— Так это и есть тот самый брошенный, которого семья Чжоу не взяла? Ну, разве что мордашка чуть получше... а так ничего особенного. Отказали в помолвке, а он всё шляется по людям, не боится, что смеяться будут.

Рука Е Нина с монетами замерла. Он не разжал ладонь, напротив, сжал деньги в кулак и убрал руку.

— Э? — удивился фулан. — Деньги-то давай. Ты что, передумал покупать?

— Передумал, — спокойно ответил Е Нин.

— Это ещё что такое? — возмутился торговец. — Только что брал, а теперь не берёшь!

Е Нин скользнул по нему взглядом, затем посмотрел на корзину с рыбой и креветками и ровно сказал:

— У тебя рот грязный, значит, и рыба, пожалуй, нечистая. Я боюсь от такой еды живот заболит, а вдруг и сам стану таким же болтливым и злобным. А это уж совсем ни к чему.

— Ты... ты... — у фулана не хватало слов. Его язык был куда менее острым, чем у Е Нина; будь на его месте обычный гер, тот давно бы провалился сквозь землю от стыда. Но Е Нин оказался неожиданно жёстким и не собирался никого щадить. Торговец же был из тех, кто боится сильного и задирает слабого: мямлил, заикался, но так и не сумел выдать ни одного толкового ответа. Лишь вслед закричал:

— Если не купишь у меня - пожалеешь! У меня самая дешёвая рыба на всём утреннем рынке! Посмотри, кто ещё будет так за бесценнок продавать!

На утреннем рынке торговцев рыбой и креветками было немного: жители деревни Цинтянь в большинстве своём жили натуральным хозяйством и в обычные дни сами ловили рыбу и креветок, а на рынок чаще выносили диковинки из уездного города - такие вещи расходились куда охотнее.

Е Нин сделал круг по рынку, купил бамбуковых побегов, грибов, кое-каких солений и прочей мелочи, но так и не приобрёл ни рыбы, ни креветок, ни мяса. Чжан Чжиюань замялся:

— Выходит, всё-таки у той лавки рыба и креветки были дешевле всего. Может... ты подожди здесь, а я схожу и куплю?

Е Нин покачал головой:

— Таким людям не стоит зарабатывать. Не с руки им ещё пару медяков приносить.

— Но без этого, — с сомнением сказал Чжан Чжюань, — у нас и на мясо денег не хватает. Как же тогда вытянуть вкус бульона?

Е Нин прищурился, задача его ничуть не смущала. Он улыбнулся и ответил:

— Не будет рыбы и креветок, сам поймаю. Заодно и пару медяков сэкономлю.

Чжан Чжюань ошеломлённо распахнул рот, даже потерял ухо, словно не веря услышанному. Он не ослышался, не мог ослышаться. Е Нин, гер, собирался собственноручно идти ловить рыбу и креветок. Это ведь работа для взрослых мужчин - когда же геры спускались в воду? Совершенно не по правилам, совершенно не по устоям. И всё же выражение лица Е Нина было таким, что возразить ему Чжан Чжюань не смог...

«Господин, вы, кажется, сделали исключение для того Нин-гера?»

Слуга Чэн Чжао служил при Цзян Чансине уже несколько лет. Хотя он и вошёл в дом позднее других, но удивительным образом пришёлся по душе «глупому» молодому господину, и вскоре после поступления в дом его перевели в личную прислугу Чансиня.

Чэн Чжао, похоже, испугался, что сказал лишнего и задал вопрос, который задавать не следовало. Он поспешно опустил голову и больше не осмелился издать ни звука.

Цзян Чансинь не ответил сразу. Он взмахом рукава уселся на главное место - на лакированное красное кресло с резной спинкой, взял чайную чашу, приподнял крышку и неторопливо подул на чайники. Пар от горячего настоя поднялся вверх, слегка затуманив его резкий взгляд. Цзян Чансинь погрузился в собственные раздумья...

Жители деревни Цинтянь считали Цзян Чансиня глупцом - так думали и старый господин семьи Цзян, и хозяин дома, и старшая госпожа: в их глазах внук и сын был умственно неполноценным. Однако... с молодым господином семьи Цзян произошло нечто «непредвиденное».

Цзян Чансинь оказался человеком, прожившим вторую жизнь.

Когда он открыл глаза, то вновь оказался в глухой, замкнутой деревне Цинтянь. По возрасту он должен был быть всё тем же наивным, ничего не понимающим простаком, но Цзян Чансинь переродился, сохранив все воспоминания, а потому прекрасно понимал происходящее и знал всё, что следовало знать.

Ныне, в эту пору, десять евнухов узурпировали власть, клика кастратов держала двор в своих руках; его родной отец, действующий император, по-прежнему был лишь марионеткой евнухов.

Те повсюду рассылали своих приспешников, разыскивая членов императорского рода и знатных родственников, намереваясь истребить род Лян под корень. Цзян Чансинь, воспитывающийся в семье Цзян и пока не имеющий ни власти, ни опоры, взвесив все за и против, решил продолжать притворяться глупцом на людях, а втайне шаг за шагом накапливать силы.

Чэн Чжао происходил из рода покойной императрицы Чэн. После перерождения Цзян Чансинь в первую очередь разыскал скрывавшегося от преследований Чэн Чжао, помог ему утаиться от охоты евнухов и устроил в дом семьи Цзян. Теперь, помимо Чэн Чжао, был лишь ещё один человек, знавший тайну о том, что Цзян Чансинь уже восстановил рассудок.

Что же до семьи Цзян... В год бедствий старый господин, рискуя жизнью, вывез Цзян Чансиня из дворца и укрыл его в этой сельской глуши, а затем установил строгие семейные правила, запретив потомкам навеки вступать на чиновничью службу, - всё ради того, чтобы сохранить Цзян Чансиню жизнь. Эту милость и эту жертву Цзян Чансинь хранил в сердце. Он не желал, чтобы семья Цзян узнала о его пробуждении разума, не из недоверия, а из опасения втянуть их в водоворот смуты и повторить участь прошлой жизни, когда весь род был истреблён до последнего.

В прошлой жизни, ещё до того, как Цзян Чансиня разыскали и вернули во дворец, семья Цзян уже пришла в упадок. Род Чжоу, затаивший злобу из-за репутации семьи Цзян в Цинтяне, повсюду искал покровителей и в итоге примкнул к партии евнухов. Пусть Чжоу и не знали истинного происхождения Цзян Чансиня, но, опираясь на евнухов, они всячески притесняли и подавляли семью Цзян. Старый господин раз за разом шёл на уступки, терпя унижения, лишь бы не допустить раскрытия личности Цзян Чансиня.

Но всё вышло вопреки его желаниям. В конце концов личность Цзян Чансиня всё же была раскрыта партией евнухов, и семью Цзян постигла гибель. Ни один из них не состоял с Цзян Чансином в кровном родстве, однако в последний миг они ценой собственных жизней сумели отправить его прочь. Родовое поместье семьи Цзян в итоге было предано огню и исчезло в бушующем море пламени...

Тук!

Цзян Чансинь с силой поставил чайную чашу на стол; чашка слегка стукнулась о поддон. Звук был негромким, но Чэн Чжао вздрогнул, будто от удара, и осторожно поднял взгляд, про себя подумав: господин рассердился, с таким выражением лица он определённо был в гневе. Только вот Чэн Чжао не знал ни того, что Цзян Чансинь прожил вторую жизнь, ни причины его внезапной ярости.

Цзян Чансинь прищурился. Семья Чжоу. Дело было вовсе не в Е Нине, он просто терпеть не мог Чжоу и потому решил вмешаться. И кто бы мог подумать... этот на вид хрупкий гер, о котором в прошлой жизни у него не осталось ни малейшего воспоминания, окажется столь неожиданным и выбьется из всех ожиданий.

Плюх... плюх! Плеск!

— Что это за шум? — Цзян Чансинь очнулся от раздумий.

Чэн Чжао тоже не понял, в чём дело, и высунулся посмотреть наружу. Раздался резкий шум - и в комнате внезапно появился чёрный силуэт: молодой мужчина в чёрном облегающем одеянии, приземлившись ровно и бесшумно. Лицо его было неподвижным и холодным, словно у мертвеца.

— Юй Юань, — Чэн Чжао похлопал себя по груди, переводя дух. — Ты вечно появляешься так, что душа в пятки уходит. Так и господина напугать недолго!

Тот, кого звали Юй Юанем, так же, как и Чэн Чжао, был человеком, которого Цзян Чансинь разыскал уже после перерождения. Они оба происходили из старых сторонников покойной императрицы Чэн, родной матери Цзян Чансиня, и издавна хранили верность императорскому дому, из-за чего, спасаясь от преследований евнухов, долгие годы скитались и скрывались.

Юй Юань обладал поразительным боевым мастерством, был немногословен и суров; в отличие от более гибкого и обходительного Чэн Чжао, он держался прямо и сухо. Потому Цзян Чансинь и приставил его к себе в качестве тайной защиты на случай непредвиденных обстоятельств.

Юй Юань говорил редко и без лишних слов, сейчас же он коротко доложил:

— Нин-гер из семьи Е и писарь Чжан Чжюань сейчас ловят рыбу в маленькой речке за задней стеной усадьбы.

В холодном взгляде Цзян Чансиня мелькнуло едва заметное движение. Чэн Чжао же изумлённо переспросил:

— Нин-гер? Опять тот самый Нин-гер?

<http://bllate.org/book/15118/1353996>